

Тина Фелис

Она и её сезоны

ЗИМА

Часть вторая

Тина Фелис

**Она и её сезоны.Зима .
Книга вторая**

«Автор»

2026

Фелис Т.

Она и её сезоны. Зима . Книга вторая / Т. Фелис — «Автор»,
2026

Она и её сезоны» — книга о природе и времени: о том, как она проживает год, от сентября до следующего сентября, замечая перемены природы: её краски, запахи, настроения и маленькие радости каждого дня. Она — не одна конкретная женщина, а собирательный образ, в котором вы, возможно, узнаете и себя. Вторая часть — «Зима». Она начинается в ноябре, робком месяце, когда уже не осень, но ещё и не зима, и проходит через декабрьское ожидание чуда, Новый год, Рождество и Крещение до февраля, когда в воздухе уже слышна весна. Детство в деревне с керосиновой лампой и морозными узорами на окнах, Чистополь военных лет, костюм шахматной королевы, сшитый своими руками, и новогодняя традиция встречать праздник на морском берегу. Воспоминания разных лет переплетаются со строками Пушкина, Тютчева, Цветаевой, Пастернака и Маршака. В книгу вошёл «Зимний альбом»: стихи и картины автора.

© Фелис Т., 2026

© Автор, 2026

Тина Фелис

Она и её сезоны. Зима . Книга вторая

Она и её сезоны

ЗИМА

Часть вторая

Тина Фелис

В книге использованы картины и фотографии из личного архива автора.

Ноябрь — робкий месяц: уже не осень, но ещё и не зима. Но она давно заметила: все настоящие дары зимы приходят именно в его конце — раньше, чем зима успевает официально вступить в свои права.

Первый снег — тот самый, что выпадает тихо, будто стесняясь, и часто тает уже к обеду. Первый хрупкий морозец по утрам, когда лужи покрываются тонким, прозрачным, как чистое стекло, льдом. Дыхание, вдруг ставшее видимым на морозе. Первая необходимость искать в шкафу тёплый шарф — и думать: вот и пришла зима, а мы её ещё не ждали... ведь осень на дворе.

Ноябрь словно младший брат зимы, который прибегает вперёд, чтобы предупредить: скоро, совсем скоро — настоящий снег, настоящий мороз, тёплый свет в окнах в ранних зимних сумерках. Он ещё не решается называть себя зимой, но уже раздаёт её подарки — по одному, будто проверяя, понравится ли.

Но у ноября есть и другое лицо — сырое, туманное, неуютное. Таким его часто видят писатели. У Ремарка ноябрь — это туманный Париж, дождливый Берлин или серые улицы Цюриха. Холод и сырость у него всегда подчёркивают внутренний кризис героев, хрупкость их жизней и одиночество, но вместе с тем делают моменты человеческого тепла бесценными. Его герои почти всегда живут в чужих углах — в пансионах, съёмных комнатах, мансардах — и так мечтают о своём. А «Три товарища» — её самое любимое произведение этого автора.

И она, думая об этом, вспоминала свою жизнь, в которой прошёл не один ноябрь, — и все они были разными. Если не говорить о детстве, а вспомнить первые годы её замужества — главной мечтой было то же самое — иметь хоть какой-то свой угол. До того как они получили своё первое жильё (тогда было время, когда жильё распределяли бесплатно, по очереди), они прожили на разных съёмных квартирах больше трёх лет. И получили трёхкомнатную квартиру с подселением. Тогда она была так счастлива — и так радовалась, вспоминая слова своей матери: «Не хоромы, но зато сама хозяйка». Так говорила мать, когда они с отцом получили свою первую квартиру в Альметьевске. Вот и она испытывала те же чувства...

И чем больше было таких воспоминаний из далёкой юности, тем ярче и ценнее казалось ей то время. Хотя сейчас, когда жизнь стала комфортной, ноябрь уже не кажется ей таким суровым. А лето и зимние каникулы она и вовсе проводит на юге, у моря, где и зимой бывает +25. Яркое солнце — триста дней в году, тёплый ветер, зелень парков и пение птиц...

Но, возвращаясь в далёкое детство, она помнит: когда пошла в первый класс и жила тот год в деревне, в доме деда, ноябрь был снежным, морозным и колючим. Он был как перелом на встрече поздней календарной осени с бесцеремонно наступившей зимой. Его дни становились серыми и короткими, а вечера — бесконечно длинными, и она помнит: проучившись два месяца в школе, уроки приходилось делать при керосиновой лампе, которая висела над столом.

Ей тогда даже не верилось — вот только что было звонкое, яркое лето, солнце, зелень и петухи по утрам... И вдруг уже зима, и жизнь в деревне будто замерла. Не слышно по утрам

стада, которое хозяйки выгоняли в луга, и звона его колокольчиков, свиста пастуха и ударов его плети по земле, когда он пытался ускорить движение. Не слышно птиц, и лишь воробьи да синички прыгают, собирая урожай красной рябины под окном — пока ещё это было видно через стёкла. Но она и тогда уже знала: в декабре окна замёрзнут до самого верха, и можно будет любоваться только причудливыми морозными узорами...

В городе её жизнь была другой, и ноябрь был другим — таким, каким его знали поэты. Холодный, ясный, почти торжественный в своей строгости — таким она чувствовала его у Пастернака:

«Глухая пора листопада.

Последних гусей косяки...»

— Борис Пастернак, «Иней»

Именно в такую пору — глухую, шуршащую сухими листьями — с ней самой случилась история, которую она до сих пор вспоминает с улыбкой. Днём она работала, а по вечерам училась в институте — и после занятий возвращалась домой поздно, затемно. Вышла с трамвая и вдруг услышала за спиной шорох, тихий, будто крадущийся. Оглянуться не решалась — показалось, что кто-то идёт следом. Ускорила шаг — и шорох тоже участился, будто подстраиваясь под её шаги. Так, почти бегом, она добежала до самого подъезда — и только там, у двери, всё же обернулась. Оказалось, это ветер гнал по асфальту сухие листья, прихваченные первым морозом, — вот они и шуршали за спиной всю дорогу. Сначала было по-настоящему страшно. А потом — стало по-настоящему смешно.

А иногда ноябрь звучит совсем тихо, почти шёпотом, — и вместе с первым инеем приходит ощущение чистоты. Ей вспоминалось, как она любила рисовать на стёклах — когда в избе было хорошо натоплено, а за окном стоял ноябрь. Дохнёшь на холодное стекло — и дыхание оседает на нём, застывает тонким матовым облачком. И пальчиком по этому облачку можно нарисовать что угодно — сердечко, ёлочку, птичку. Рисунок держался недолго, но пока не растаял — оставался, будто страница из альбома, который никто, кроме неё, не видел.

А иногда ноябрь хочется поймать за хвост — такой он короткий и ускользающий. И это всегда вызывает у неё улыбку. Потому что теперь-то она знает: когда у неё однажды прижилась дикая кошка, поймать её за хвост оказалось решительно невозможно. Как и короткий ноябрьский день — такой же неуловимый, такой же стремительно ускользающий. Не поймаешь. Не остановишь. Только успеешь улыбнуться вслед.

И ей всегда казалось раньше, что эту пору последнего месяца осени можно смело называть зимой.

Она шла по поредевшей, почти прозрачной аллее тихого парка. Взгляд её уходил далеко, сквозь редкие, коряво обнажённые ветви деревьев, — туда, где вдали синела дымка леса. Уже надвигались сумерки, в воздухе было свежо и влажно, под ногами шуршали свернувшиеся в клубки осенние листья, прихваченные первым ноябрьским морозом... Ей вспомнились строки Тютчева:

«Есть в осени первоначальной

Короткая, но дивная пора —

Весь день стоит как бы хрустальный,

И лучезарны вечера...»

Она удивлялась тому, как странно устроена память: та самая, «первоначальная» пора осени давно прошла, а вспомнилась именно сейчас, в поздних сумерках ноября. Видимо, само приближение вечера напомнило ей, как когда-то, в детстве, она учила это стихотворение на уроках литературы, рассказывала его наизусть — и не понимала значения слова «лучезарный». Спросить не решалась: боялась, что засмеют. Тогда она объяснила это себе сама: наверное, речь идёт о рассветах, ведь «лучезарный» — это «луч» и «заря», а такое совпадение бывает только на рассвете.

Но, к своему удивлению, уже во взрослой жизни она прочитала однажды у Паустовского, как он описывает одесские вечера — тоже как лучезарные. И сейчас, вспомнив это, она подумала: может быть, лучезарными бывают не только рассветы, но и закаты тоже?..

И когда декабрь наконец вступает в свои права, для неё это не начало, а продолжение — того самого чувства, что зима уже была здесь, тихо, исподволь, весь последний месяц осени.

* * *

Сказка, что начиналась в ноябре тихим предчувствием, теперь говорит в полный голос.

Когда ноябрь уходит — иногда тихо, оставляя за собой шорох листьев и первый снег, иногда громко, с вихрем студёных ветров — на порог ступает декабрь. И он сразу приносит с собой что-то особенное.

Она чувствует это сразу: декабрь пахнет хвоей и мандаринами, он звенит в воздухе, как колокольчик.

Он любит фонарики, свечи и огоньки в окнах.

Он всё украшает: и улицы, и витрины, и сердца...

Он знает, что она уже немного устала.

Ещё один год её яркой жизни идёт к завершению... и она, как и все, будет подводить его итоги...

Декабрь важный и любимый месяц зимы для неё — может, ещё и потому, что в нём есть день, с которого началась и её собственная жизнь...

Она родилась второго декабря, в морозный, ветреный день с колючей метелью, в маленьком городе Чистополе. Городе, который когда-то, в войну, приютил больше двухсот писателей и поэтов — среди них были Пастернак, Цветаева, Тарковский. Ей нравится думать, что в самом воздухе того города, где она сделала свой первый вдох, ещё долго жила память об их присутствии.

Уже во взрослой жизни она читала их воспоминания. Борис Пастернак писал: «Я в большом долгу перед Чистополем... Я имею в виду именно связи безымянные, встречи с незнакомыми на улице, общий вид города, деревянную резьбу на окнах и на воротах. Всё это мне нравилось, всё это меня душевно питало».

Именно декабрь дарит время для самого важного: для семьи, уюта, добрых слов и воспоминаний, и новой надежды.

Воспоминания приходят разные — не только тёплые. Иногда всплывают истории других поколений, тех, для кого декабрь когда-то был не праздником, а суровым испытанием.

Её родители переехали в Чистополь в 1949 году — время было послевоенное, лихое, голодное, холодное. На её вопросы о той жизни мать всегда отвечала одно: не хочет вспоминать, как было тяжело, голодно и как холодно зимами.

Только позже, читая воспоминания эвакуированных туда в войну писателей, она поняла почему. В Белоцерковский вспоминал: «В Чистополе мы попали в XIX век, если не дальше». Ни водопровода, ни канализации, немощёные улицы. За водой ходили с ведрами и коромыслом к колодцу за несколько кварталов, а обратно дорога шла в гору — зимой часто обледенелая. Электричество давали на несколько часов в сутки, керосина не было — светили самодельные коптилки: баночка с растительным маслом и фитиль из верёвки. Не было и спичек — огонь высекали кресалом из кремня, как в древности.

А когда привезённые из столицы деньги кончались, люди несли на рынок вещи и украшения, чтобы выменять их на продукты. У кого менять было нечего — просто голодали.

И она понимала: так жили не только там. В других городах бывало и голоднее, и холоднее.

Не у всех историй бывает счастливый конец. И об этом тоже нужно помнить — чтобы ценить ту жизнь, в которой живёшь.

Но она вновь возвращается в сегодняшний день — туда, где давно уже всё иначе, где тепло и сытость стали привычными, — и это её по-настоящему радует. Она понимает цену такой жизни.

Декабрь — это ещё и месяц итогов: время оглянуться на прожитый год, что-то проанализировать, сделать свои выводы — и, конечно, снова понадеяться на лучшее.

И ещё — немного сказки, которую она так ждёт...

Ей особенно ярко вспоминаются строки Марины Цветаевой — поэта с такой трудной, трагической судьбой, чей путь в 1941 году тоже прошёл через Чистополь. И всё же у неё есть эти светлые строки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.